

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО НЕ МЕНЬЕ 6-ти СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Пятница, 18 Сентября (1 Ноября) 1909 года.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ, № 9790.

Замѣтки.

Странное это было настроеніе... Странная мысль...

Изъ тѣхъ мыслей, которыя приходятъ неожиданно и непрощенно, которыя гонимъ, которымъ не смѣешь вѣрить, но которыя необходимы своей неотступностью, своей почти мистической внезапностью...

На сценѣ шли «Три сестры».

Плохо-ли, хорошо-ли играли—не въ этомъ дѣло... Играли Чехова!

Чехова, къ которому, казалось, «мы вернулись» послѣ бурной встряски... Чехова, о которомъ въ послѣднее время вновь заговорили, съ усиленнымъ вниманіемъ, съ удвоенной любовью, въ которомъ вновь нашли выразителя эпохи, глѣнца общественныхъ настроеній...

И вдругъ на этомъ чеховскомъ спектаклѣ стало ясно:

— Умеръ Чеховъ!

Не для жизни, для которой онъ умеръ пять лѣтъ тому назадъ.

Не для литературы, для которой онъ, рожденный для безсмертія, умереть не можетъ.

Чеховъ умеръ для насъ, для современнаго русскаго общества!...

Мы отошли и отъ Чехова. Впередъ яля назадъ—это зависить, какимъ аршиномъ мѣрить. Мы отошли. Не чеховскія наши настроенія, не чеховскіе мы сами. И если мы еще любимъ Чехова, то любовью прошлаго, или любовью къ прошлому. И если онъ еще такъ дорогъ намъ, то такъ же дороги намъ всѣ сны нашей юности, всѣ нѣжныя мечты нашей молодости...

Но не совсѣмъ понятенъ онъ уже намъ. Уже немного чуждъ.

Мы старше Чехова, старѣе.

Чеховъ пессимистъ, но его пессимизмъ во сто разъ моложе, бодрѣй нашего пессимизма.

Онъ жилъ «до».

Мы живемъ «послѣ».

Поэтому въ его пессимизмѣ есть томленіе, тоска по чѣмъ то.

Въ нашемъ пессимизмѣ—безысходность.

Онъ вѣрить.... Тихо, примиренно, но вѣрить въ будущее, въ жизнь „черезъ 200 лѣтъ,“ въ трудъ, въ человѣка.

Мы не вѣримъ ни во что, и ничто намъ не нужно....

„Въ Москву! Въ Москву!“

Даже этого стремленія къ центрамъ умственной жизни нѣтъ въ современномъ русскомъ провинціаль-интеллигентѣ.

— А тамъ что?

— Зачѣмъ?

Даже ироническая улыбка—да, ироническая улыбка!—скользить на его губахъ.

Вѣдь, они наивны, наивны—эти чеховскіе тихіе мечтатели Вершинины и фонъ-Тузенбахи и нѣжныя мысля сестры... Они наивны въ глазахъ современнаго читателя и зрителя, который изжилъ мечты и научился мечтать....

Нѣжныя штрихи чеховской кисти уносятъ куда то въ прошлое, близко-далекое прошлое.

Современный пессимизмъ не знаетъ мягкости и нѣги, робкой мечты и тихаго томленія.

„Жизнь человѣка,“ „Черная маска“ — рѣзкое, рѣшительное, почти пьяное ломаніе всякой вѣры, всякой мечты, всякой жизнерадостности—вотъ что можетъ отчасти отвѣтить современному настроенію.

Это печально, но это такъ.

Другой вопросъ:

— Вернемся ли мы къ Чехову?

Я думаю и вѣрю, что вернемся.

Можетъ быть, это и „безвременье,“ это чеховское томленіе.

Можетъ быть, это и печально, эти робкія мечты....

Но какъ это красиво по сравненію съ безобразной пошлостью современнаго пессимизма.

Какъ это здорово и весело въ сравненіи съ безысходнымъ отчаяніемъ настоящаго.

— Умеръ Чеховъ....

Печальная мысль.

Тяжелое сознаніе!

Ю. Волинъ.